

Международные отношения • Relaciones internacionales

Исследовательская статья

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>

Периферийный реализм Карлоса Эскуде

© А.А. Еремин, 2021

Еремин Аркадий Алексеевич, к.ист.н., старший научный сотрудник,
старший преподаватель кафедры теории и истории международных
отношений РУДН, Москва (Россия)

Для корреспонденции: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

E-mail: eremin-aa@rudn.ru

Статья поступила в редакцию: 30.05.2021

Доработана после рецензирования: 01.07.2021

Принята к публикации: 15.07.2021

Для цитирования: Еремин А.А. Периферийный реализм Карлоса Эскуде. *Иberoамериканские тетради*. 2021, 9(1): 50–61. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>.

→ Аннотация

В настоящей статье анализируется теоретическое направление, возникшее в рамках неореализма в 1990-х гг. благодаря аргентинскому политологу Карлосу Эскуде. Автор предпринимает попытку комплексного анализа положений изначальной теории 1992 г. и сопоставляет их с современными реалиями в сфере международных отношений. Автор также проводит компаративный анализ оригинальной теории и ее пересмотренного варианта 2016 г. с целью проследить динамику развития последней. Главной задачей исследования является ответ на вопрос: возможно ли отнести теорию периферийного реализма к так называемым незападным теориям международных отношений? В первую очередь в основе работы лежит глубокий анализ теоретической базы периферийного реализма К. Эскуде на основе главных его работ 1992 и 1995 гг., а также анализ последующих вариаций теории образца 2012 и 2015 гг. Также в исследовании используется метод сравнительного анализа, в рамках которого особенности и теоретические положения канонических «больших» теорий международных отношений (в особенности реализма и неореализма, в русле которых зародилась рассматриваемая теория) сравниваются с аналогичными положениями теории периферийного реализма с целью выделения ее роли и места в конфигурации западных и незападных теорий международных отношений. Автор приходит к выводу, что уникальность рассматриваемой концепции состоит в ее взгляде «со стороны слабого», который в целом не характерен для англосаксонских теорий международных отношений. Эта уникальная особенность действительно ставит концепцию периферийного реализма за рам-

ки общепринятых в научном сообществе представлений о природе мировой политики и международных отношений. Данное исследование было подготовлено и прошло апробацию в рамках научного семинара «Незападные теории международных отношений» кафедры ТИМО РУДН, а также совместного научно-исследовательского семинара РУДН и НИУ ВШЭ «Незападные теории международных отношений в полицентрическом мире».

→ Ключевые слова

Незападные теории международных отношений, процесс принятия политических решений, Аргентина, периферийные страны, периферийный реализм

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>

Peripheral realism of Carlos Escudé

© A.A. Eremin, 2021

Aleksandr A. Eremin, PhD (History), Senior Research Fellow, Senior Lecturer, Chair of Theory and History of International Relations, RUDN, Moscow (Russia) **E-mail:** eremin-aa@rudn.ru
For correspondence: 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 6

Received: 30.05.2021

Revised: 01.07.2021

Accepted: 15.07.2021

For citation: Eremin A.A. Peripheral realism of Carlos Escudé. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 50–61. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>.

→ Abstract

In this article the author analyzes a theoretical direction called "Peripheral Realism", which has arisen within the scope of neorealism in 1990s due to an acknowledged Argentinean political scientist Carlos Escudé. The author makes an attempt to provide a complex analysis of the original theory of 1992 and compares it with the modern realities of international relations. The author also conducts a comparative analysis of the original theory and its revised version of 2016, in order to trace the dynamics of its development. The main objective of the study is to establish whether the theory of peripheral realism can be attributed to the so-called 'non-Western' theories of international relations. First of all, the article is based on an in-depth analysis of the theoretical basis

of Carlos Escudé's peripheral realism theory on the basis of his main writings of 1992 and 1995, as well as an analysis of subsequent variations of the theory in 2012 and 2015. The study also uses a comparative analysis method, which contrasts the features and theoretical positions of the canonical 'grand' theories of international relations (especially realism and neo-realism, being the origins for the theory) and correlates them with those of the theory of peripheral realism in order to highlight the role and place of this theory in the configuration of Western and non-Western theories of international relations. The author concludes that the uniqueness of the concept comes from assessing reality from the point of 'weaker' and developing countries, which is not generally customary for Anglo-Saxon theories. This unique feature puts the concept of peripheral realism beyond the perceptions of the nature of world politics generally accepted in the research community. The study was originally drafted for the research seminar "Non-Western Theories of International Relations" of the Department of theory and history of international relations of RUDN University, as well as for the joint research seminar of RUDN and HSE University "Non-Western Theories of International Relations in a Polycentric World."

→ Keywords

Non-Western theories of international relations, political decision-making, Argentina, peripheral countries, peripheral realism

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Введение

Вопрос о самой возможности существования незападных теорий международных отношений, то есть таких, которые развивались бы не в русле привычной для западного академического сообщества научной мысли, с недавних пор стал крайне актуален. Во-первых, этому способствовало укрепление в мировой политике новых центров силы, среди которых особенно выделяется КНР с ее амбициозной внешнеполитической повесткой, зачастую противопоставляемой привычной нам главенствующей роли западных стран в международных отношениях, в особенности США. Во-вторых, намечился очевидный кризис в так называемой западной науке о международных отношениях: с одной стороны, она включает в свой дискурс почти всех «классиков», да и конвенциональное развитие науки о международных отношениях в целом происходит именно в западной академии. Однако при этом производимые теории, начиная от самых ранних и заканчивая самыми последними, удовлетворительно выполняют свои функции только лишь применительно к развитым странам Запада. И даже в этом случае критическая масса замечаний, безусловно, уже успела накопиться, приводя к поиску теоретических альтернатив. В том случае, когда речь идет о других, развивающихся странах, не имеющих такого ресурсного потенциала и столь обширной технологической базы, подобные теории работают куда хуже, зачастую не справляясь даже со своими базовыми функциями, объяснительной и прогностической. Эти тенденции были хорошо описаны в

коллективной монографии под редакцией Барри Бузана и Амитавы Ачарьи¹ в конце первой декады нового тысячелетия, когда о нынешней степени соперничества КНР и США можно было только догадываться. Тем не менее данный тренд нашел отклик в работах целого ряда ведущих специалистов, которые принялись примерять данные идеи к различным регионам и политическим системам². Примечательно, что первопроходцами незападной повестки дня в науке стали как раз абсолютно западные специалисты, то есть получившие профессиональную научную подготовку в высших учебных заведениях США, Британии и Западной Европы, хотя при этом их этническая или культурная принадлежность могла быть совершенно иной, и лишь с их подачи незападная повестка дня вышла на уровень регионов и нашла свое отражение в более локальных академических дискурсах и дискуссиях³.

Главную проблему западного взгляда на теорию международных отношений «классики» западного академического дискурса увидели в том, что он в силу специфического положения этих стран на международной арене (в первую очередь США) берет за основу уникальное геополитическое положение и интересы именно западного мира, то есть фактически западная теория международных отношений пишется через восприятие «сильного» актора международных отношений⁴. В каком-то смысле подобный подход довольно очевиден – основные постулаты международных отношений и дипломатии сотни лет развивалось на базе европоцентричного мира, в авангарде которого сначала находилась Британия, а после – США, благодаря чему именно в этих двух странах наука о международных отношениях считается наиболее развитой (количество научных изданий, индексируемых в Scopus и Web of Science, цитируемость научных работ, общее количество специалистов и т.д.). Однако когда конфигурация качественно отличалась, как в случае с развивающимися странами, то западные теории не брали в расчет целый ряд факторов, которые имели ключевое значение в случае с более бедными государствами, приводя при этом к искаженному восприятию мировой политики и принятию ошибочных решений со стороны правительств этих стран. История знает множество примеров, когда продвигаемые и даже насаждаемые союзникам по НАТО американские ценности оказывались не только менее эффективными в принципиально иных государственных реалиях, но даже контрпродуктивными (например, в случае с экспортом концепции «войны с наркотиками»)⁵.

Неудивительно, что подобные прецеденты побудили мировое научное сообщество к поиску возможностей по диверсификации теоретического поля науки о международных отношениях – как минимум в ряде стран, претендующих на региональное и даже (в отдельных случаях) глобальное лидерство. Это привело к повышенному интересу к теоретическим исследованиям авторов, чье происхождение отличается от англосаксонского и европейского.

Исключением не стала и Латинская Америка, исторически подверженная большому влиянию со стороны США. Одной из стран, искавших альтернативный взгляд на происходящее на международной арене, стала Аргентина, где выдающийся ученый-политолог Карлос Эскуде задолго до появления незападного дискурса предложил собственную теорию периферийного реализма⁶, существенно отличавшуюся от господствовавших тогда представлений коллег-неореалистов.

1 Buzan and Acharya 2010.

2 Tickner and Herz 2012; Frasson-Quenoz 2016; Bernal-Meza 2009; Bello and Peñas 2013.

3 Дергачев et al. 2021.

4 Buzan and Acharya 2010.

5 Еремин, Петрович-Белкин 2020.

6 Escudé 1992.

Зарождение альтернативной теории

По первому образованию К. Эскуде – социолог, чем объясняется глубокий интерес в дальнейшей карьере к социальной сфере, а также взаимодействию людей друг с другом и с государством. Однако уже в магистратуре Оксфордского университета К. Эскуде сменил специальность на политологию, которую продолжил изучать в Йельском университете, где в 1981 г. получил степень доктора наук. К моменту зарождения собственной теории он уже считался серьезным ученым, которого даже называли самым выдающимся политологом Латинской Америки, что, безусловно, обеспечило ему возможность выступать в качестве советника министра иностранных дел Гидо ди Телья с 1991 по 1999 г., сочетая теоретическую подготовку с практической деятельностью.

Если до этого момента научные работы К. Эскуде имели социологическую либо даже историческую направленность (он тяготел к исследованию истории Аргентины и природы национализма в собственной стране), то к моменту начала работы в министерстве он существенно пересмотрел свой взгляд на исследовательскую деятельность в поиске теоретического обоснования для принципиально нового внешнеполитического курса Аргентины. Следует сказать, что К. Эскуде всегда был большим противником политики, которую проводила в Аргентине военная диктатура, в связи с чем в своих работах даже в 1980-х гг. задавался вопросами о «правильной» внешней политике для Аргентины¹. В них он неоднократно делал вывод о том, что любые проявления национализма во внешнеполитическом курсе вредят стране и являются «антинародными». Именно этот тезис во многом и лег в основу будущей теории.

В 1992 г. К. Эскуде опубликовал свою первую работу по периферийному реализму, озаглавленную «Realismo Periférico», где изложил целый ряд теоретических основ для стран, находящихся на периферии мировой политики. Основным теоретическим вкладом в рамках неореализма в целом стало привнесение трех основных критических замечаний. Первое относилось непосредственно к термину «страна», ведь данный термин является одним из основных, когда речь заходит о реализме, но при этом часто путается и смешивается с такими понятиями, как «нация» (или «народ») и «государство» (другими словами, «правительство»). Большая заслуга Эскуде состоит в том, что он разграничил эти три понятия и заключил, что в международных отношениях речь идет именно о взаимоотношении стран. При этом каждая страна имеет свой народ и свое правительство, что делает страны объективно отличными друг от друга по конфигурации «народ – правительство»². Важно при этом понимать, что внешняя политика государства при учете этой характеристики может быть более выгодна как гражданам, так и государству. Фактически это одна из первых попыток в рамках реализма раскрыть влияние внутригосударственных факторов на характер взаимодействия государств друг с другом.

Вторым критическим замечанием К. Эскуде было то, что автор, в отличие от взглядов Кеохейна и Ная³, определял национальный интерес не столько в терминах безопасности, сколько в категориях экономического развития и блага для граждан, так как именно высокий уровень экономического развития обеспечивает безопасность государства, в частности его обороноспособность. В этом смысле Эскуде и его периферийный реализм оказался своего рода прекурсором для последующего постклассического реализма начала 2000-х гг., где концептуально снижалась роль секьюритизации в пользу значимости экономики⁴.

1 Escudé 1984.

2 Escudé 1992.

3 Nye and Keohane 1977.

4 Escudé 1992.

Третье замечание касалось природы «хаоса» в международных отношениях. В этом ключе К. Эскуде был не совсем согласен с классиком теории международных отношений К. Уолтцем¹, предполагавшим, что пространство международных отношений суть чистый хаос. По мнению К. Эскуде, различия в комбинации факторов на уровне «народ – правительство» позволяет разделять акторов в системе международных отношений по принципу их отношения к этому хаосу. Первая группа таких стран – объективно сильные государства, которые живут в состоянии хаоса, но при этом создают некое подобие иерархии и правил для других, более слабых государств. Вторая группа представляет собой слабые государства, которые подчиняются тем правилам в международных отношениях, которые сформированы более сильными акторами. Их от «хаоса» на международной арене ограждает авторитет и власть того гегемона, правила которого они принимают. Третья группа – некое подобие «бунтарей», которые не согласны с насаждаемыми правилами и стараются существовать в таком же хаосе, как и более сильные акторы; но при этом они слишком слабы, из-за чего обречены на статус «изгоя». К ним можно отнести Иран и Северную Корею (хотя сама возможность существования таких государств без какой-либо поддержки со стороны других крупных гегемонов международных отношений остается дискуссионной). В этом ключе периферийный реализм рассматривает систему международных отношений через призму двух последних групп, что, безусловно, является его отличительной особенностью².

Таким образом, в рамках установленной К. Эскуде логики периферийного реализма он утверждал, что государства, ориентированные на элиту или на правительство (частый случай в Латинской Америке и в целом в периферийных странах), зачастую проводят политику, противоречащую благу граждан и экономики в целом. Такие элиты очень часто перекладывают затраты, возникающие вследствие игнорирования иерархических ограничений в международных отношениях (и бремя последующих санкций), на собственный народ. Именно это происходит, когда те, кто находится у власти, не учитывают мнение граждан в политическом процессе или используют националистические аргументы, чтобы убедить общественное мнение в целесообразности привлечения большего объема ресурсов для дорогостоящих и даже дерзких международных усилий или глобальных проектов. К. Эскуде приходит к выводу, что, каким бы привлекательным ни оказался националистический дискурс, в стране с ограниченными ресурсами амбициозная внешняя политика всегда будет осуществляться за счет благополучия ее граждан³.

То же самое, согласно трудам К. Эскуде, относится и к великим державам, хотя в их случае это менее заметно из-за относительного изобилия экономических ресурсов, которые так быстро не заканчиваются, а их граждане могут при этом существовать с определенным уровнем экономического благополучия и социального комфорта. Но поскольку ресурсы никогда не бывают бесконечными, а абсолютная внешнеполитическая автономия также ставит под угрозу человеческие ресурсы, подобная ситуация неизбежно ведет к диктатуре и нищете даже в случае сверхдержавы. Эта дилемма резюмируется К. Эскуде в убедительной формуле: абсолютная автономность внешнеполитического курса равна тотальной тирании на государственном уровне.

Как и в любой объяснительной теории, периферийный реализм приводит к определенным нормативным последствиям. Ее суть парадоксально точно совпадает с тем, что описал еще Фукидид в своей «Истории Пелопоннесской войны»: «...Сильные делают то, что могут, а слабые страдают в той мере, в которой должны». Важный вывод К. Эскуде состоит в том, что только за счет своих граждан маленькая страна может обрести большую автономию по отношению к великой внешней державе. Большинство

1 Waltz 1979.

2 Escudé 1992.

3 Escudé 1995.

государств, ориентированных на граждан, скорее всего, примут кабальную иерархию, навязанную более сильной державой, и приспособятся к распределению власти в международной среде, сохраняя благосостояние своих граждан и не пытаясь достичь такого уровня автономии, который их народ не может выдержать¹.

Резюмируя, можно сказать, что нормативный вывод периферийного реализма состоит в том, что более слабые государства, находящиеся под влиянием гегемонистской власти, не должны пытаться достичь высокого дорогостоящего уровня автономии за счет своих граждан. Идеальная модель подобного «подчинения» в работах К. Эскуде демонстрируется в случаях Японии и Западной Германии при фактическом контроле со стороны США после Второй мировой войны. В этом К. Эскуде видит секрет «правильного» поведения слабых стран на международной арене.

В рамках рассматриваемой теории эти нормативные ориентиры отдают своего рода дань уважения классическому реализму Ганса Моргентау. Действительно, Г. Моргентау заявлял о норме, забытой многими неореалистами, которые пришли после него: что государству, в силу его ответственности перед гражданами, не следует позволять следовать логике *"Fiat iustitia, et pereat mundus"* («Пусть справедливость восторжествует, хотя мир погибнет»)². Подобный подход, безусловно, ставит серьезный вопрос о том, чья роль оказывается главенствующей – национальных интересов или интересов граждан, что не совсем характерно для логики школы реализма, но очень близко к общерегиональному пониманию «правильной» политики в Латинской Америке.

Дальнейшее развитие теории и значение для Аргентины

Автор много раз возвращался к введенной им концепции, развивая собственные идеи, сопоставляя их с результатами, достигнутыми при президентстве Карлоса Менема (в 1995 и 1997 гг., а также в 2012, 2014 и 2016 гг.)³. Уникальность рассматриваемого случая заключается в том, что К. Эскуде посчастливилось на практике наблюдать реализацию внешнеполитического курса, выстраиваемого на основе своего уникального на тот момент теоретического подхода. Более того, за время службы советником министра ему удалось дважды дополнить и развить собственные идеи.

Так, например, К. Эскуде удалось логически продолжить сюжет, что основным заблуждением, лежащим в основе структурализма, является предположение о том, что государство для межгосударственной системы является тем же, чем индивидуум является для государства. Эта антропоморфная предвзятость, по мнению К. Эскуде, непреднамеренно становится авторитарной, поскольку «свобода» индивида по отношению к государству противоречит полной «автономии» государства по отношению к межгосударственной системе: для того чтобы государство имело полную автономию, оно должно извлекать ресурсы из общества в ущерб благосостоянию граждан и даже гражданским правам, когда такой связи между свободой индивида и благом государства не наблюдается⁴.

Последствия внедрения периферийного реализма в рамках внешнеполитического курса при К. Менеме, несмотря на всю уникальность предложенного в то время К. Эскуде подхода, не были эпохальными, но при этом существенно изменили некоторые аспекты поведения Аргентины на международной арене. Так, например, Аргентина вышла из Движения неприсоединения, а также сменила характер своего голосования с антиамериканского на более проамериканский. Также под влиянием ценностных ориентиров К. Эскуде Аргентина восстановила рабочие отношения с Великобританией и

1 Escudé 1995.

2 Morgenthau 1948.

3 Escudé 1995, 1997; 2015; Schenoni and Escudé 2016.

4 Escudé 1997.

свернула проект «Кондор–2», полностью поддержав принцип безъядерного пространства в регионе ЛКА. Таким образом, вместо нарочитой автономии на международной арене Аргентина стала склоняться все ближе к сотрудничеству с США – безусловному лидеру на тот момент монополярного мира. При этом период правления К. Менема не может считаться каноничным примером реализации доктрины периферийного реализма – хотя бы потому, что, по мнению самого К. Эскуде, был допущен ряд существенных ошибок, которые нанесли значительный вред экономике страны. Так, например, в последующих работах К. Эскуде критически отзывался о злоупотреблениях кредитами МВФ. Наилучший же пример, по мнению автора теории, – Колумбия, выступающая наиболее верным союзником США в Латинской Америке, за что в 1990–х и 2000–х гг. получила ряд преференций¹. Примечательно, что, несмотря на повысившийся за время президентства Д. Трампа статус Аргентины с точки зрения ее союзного потенциала как для США, так и для НАТО, страна не получила существенных экономических преференций. Колумбия же фактически стала единственным союзным государством США, которое никак финансово не пострадало от нового латиноамериканского вектора внешней политики Д. Трампа².

Здесь хорошо прослеживается взгляд самого К. Эскуде на монополярный мир, центром которого в 1990–е гг. являлись США. Так, он пишет: «Наверное, ядро каждой из субсистем мировой системы составляют несколько государств, но лишь Соединенные Штаты могут претендовать на уникальную руководящую роль в гегемонистском сегменте ее фрагментированной структуры безопасности, одновременно представляя собой и наиболее значимую в мире экономику. Отсюда следует, что моральной целью для любого демократического, гражданско-центрического государства является отказ от претензий на лидерство в гегемонистском сегменте этой фрагментированной структуры безопасности мировой системы и делегирование этой роли единственному государству, способному принять ее на себя благодаря сочетанию в нем демократической природы и военной мощи»³.

Очевидно, что у такого подхода можно выделить целый ряд недостатков и тех моментов, которые К. Эскуде не принял во внимание при формировании собственной теории. Логика периферийного реализма функционирует тогда, когда по умолчанию государство-гегемон, устанавливающее правила, проявляет готовность содействовать усилению более слабых акторов, принявших их лидерство и главенство. То, что Германия и Япония смогли достичь своего «чуда» в части развития и модернизации, имело смысл в рамках биполярной системы, где более сильные союзники позволяли усилить давление на идеологического противника. Речь идет не только о боеспособности и экономической независимости, но и о некоем соревновании показателей качества жизни представителей двух отличных друг от друга экономических систем. Когда же речь идет о монополярном или многополярном мироустройстве, сильные государства в первую очередь заинтересованы в поддержании status quo, при этом особое внимание уделяется тому, чтобы на мировой арене более не возникало новых центров силы. Таким образом, усиление более слабых держав, готовых признать лидерство США, на момент появления теории периферийного реализма уже не являлось самоцелью для Вашингтона. Более того, такой необходимости при отсутствии альтернативного центра влияния более не существовало, так как почти все более слабые государства, в том числе и из бывшего социалистического лагеря, проявили желание «дружить» с новым гегемоном. Отдельно стоит отметить, что хотя и Германия, и Япония до сих пор являются союзниками США, их политика как достаточно развитых и уже вполне конкурентоспособных государств не всегда совпадает с интересами Вашингтона. Германия здесь является наиболее важным примером, так как фактически речь идет о политическом и экономическом центре

1 Schenoni and Escudé 2016.

2 Яковлев 2020.

3 Escudé 1997.

Европейского союза, что порождает определенные политические амбиции и зачастую оказывается причиной недопонимания и даже конфликтов между Берлином и Вашингтоном. В частности, недавно мы могли наблюдать отсутствие единой позиции между США и Германией по «Северному потоку – 2»¹.

В этой связи особенно важно отметить работы по теории властного транзита Абрамо Органски, предложившего еще в 1958 г. идею того, что смена властвующего в системе международных отношений гегемона не происходит резко, а требует определенного времени. Предложенная им гипотеза постулировала, что пока действующий гегемон расходует ресурсы максимально нерационально, поддерживая *status quo*, ближайшие кандидаты на это место занимаются вопросами экономического роста и стараются использовать свои ресурсы максимально прагматично, что впоследствии позволит им выйти на уровень своего глобального оппонента и оспорить его лидерство². Данная теория во многом используется сегодня в рамках дискурса о противостоянии КНР и США, который также имеет определенное отношение к незападной повестке в международных отношениях. Если взять в расчет теорию А. Органски, то ни один гегемон не заинтересован в создании максимально благоприятных экономических условий для своих союзников, так как это может привести в самом ближайшем будущем к появлению нового центра силы на международной арене и возможной утрате глобального лидерства. Именно этим можно объяснить тот факт, что в отличие от биполярного периода холодной войны на современном этапе не существует серьезных примеров подобного «успеха через подчинение», хотя на рубеже веков и в начале 2000-х гг. подобных примеров переориентации стран на США мы знаем великое множество, в том числе и на пространстве бывшего СССР.

Если говорить о регионе Латинской Америки, особенно важным представляется сравнение опыта Аргентины и Бразилии. Если Аргентина отказалась от автономии во внешней политике, то Бразилия до 2016 г. активно развивала подобный подход, благодаря чему именно она стала центром латиноамериканской интеграции в конце XX – начале XXI в. Более того, Бразилия, несмотря на очевидный уход от концепции автономизма в период администрации Жаира Болсонару, до сих пор считается представителями научного и экспертного сообществ главным политическим и экономическим лидером региона Латинской Америки. Аргентина, в свою очередь, не перестает испытывать экономические и политические потрясения и пока не способна переориентировать собственную внешнюю политику в сторону большей самостоятельности и автономии, что, безусловно, ограничивает возможности государства претендовать на региональное и тем более мировое лидерство.

Заключение

В результате внедрения положений теории периферийного реализма в политический процесс США получили возможность оказывать значительное воздействие на Аргентину, она же, в свою очередь, не достигла желаемого результата во внешней политике. Меры, предпринятые правительством К. Менема, лишь поставили Аргентину в зависимость от США за счет, например, привязки песо к доллару, прекращения программ по созданию систем вооружения, которые ранее позволяли занимать довольно независимое положение в регионе. Население страны негативно оценивало внешнюю политику правительства К. Менема, которая оказывала значительное влияние на внутреннюю политику Аргентины. Здесь также следует отметить, что примерно в это же время (1991–1999) в понимании общественности (как внутри региона, так и за его пределами) Аргентина

1 Германия раскритиковала санкции США против «Северного потока – 2» [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210301/sanktsii-1599516386.html> (дата обращения: 20.05.2021).

2 Organski 1958.

потеряла статус потенциального лидера региона, впоследствии существенно уступив более самостоятельной Бразилии.

Периферийный реализм, который существенно отличался от многих более конвенциональных теорий международных отношений выбором в пользу «взгляда со стороны слабого», в своем оригинальном воплощении подразумевал некую «игру в поддавки» и фактически видел выход для слабых стран в единственном возможном сценарии: пожертвовать самостоятельностью собственной внешней политики ради потенциальной стабильности. В последующих работах К. Эскуде не раз переосмысливал собственную концепцию с новыми вводными, анализируя, в том числе, и неудачный опыт правительства К. Менема. Наиболее интересным для К. Эскуде оказался сюжет подъема КНР. Появление и активизация процессов в рамках «новой биполярности» особенно важны для периферийного реализма, ведь изначально теория разрабатывалась в реалиях монополярного мира, где не существовало серьезных альтернатив США. В том случае, когда у стран появляется выбор – поддержать США или КНР, реализующих свою собственную уникальную политическую линию по расширению влияния в Латинской Америке, – практическая реализация идей периферийного реализма и возможные предпочтения оказываются куда более реальными и ощутимыми, нежели в 1990-е гг. в случае с Аргентиной.

Главный же вопрос: «Можно ли считать концепцию периферийного реализма незападной?» – остается без четкого ответа. С одной стороны, взгляд с позиции «слабого» в рамках англосаксонских теорий международных отношений традиционно не распространен, а, следовательно, осуществлять проработку наиболее благоприятных и эффективных тактик, стратегий и ценностных ориентиров во внешней политике для этих теорий совсем не характерно; но именно на этом сосредоточен периферийный реализм К. Эскуде. С другой стороны, Латинская Америка – регион, который постоянно находится под давлением северного соседа, а значит, фактор США здесь игнорировать невозможно, да и сам Эскуде не скрывал, что его теория создавалась в рамках неореализма. Именно поэтому он видит в качестве единственного варианта реализации собственной стратегии необходимость подчиниться более весомому актору международных отношений, но при этом непосредственно определяет, кем этот актор является (Соединенные Штаты Америки, что концептуально серьезно подрывает саму возможность назвать подобную теорию незападной). Однако важно отметить, что в недавних своих работах К. Эскуде был не так критичен к роли подобного гегемона: возвышение КНР и появление альтернативного центра силы в системе международных отношений, согласно автору, позволили периферийным странам на современном этапе выбирать, условия какого гегемона будут им выгоднее. Таким образом, существующая на данный момент теоретическая база периферийного реализма нуждается в существенной доработке и актуализации с учетом современных реалий и изменений в системе международных отношений – тогда переосмысленный периферийный реализм будет иметь возможность стать незападной теорией международных отношений.

→ Список литературы / References

- Дегтерев, Д.А., Рамич, М.С., Цвык, А.В. США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2021. – №2. – С. 210–231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>.
- Degterev, D.A., Ramich, M.S., Tsyk, A.V. "U.S.-China: "Power Transition" and the Outlines of "Conflict Bipolarity". *Vestnik RUDN. International Relations* 2 (2021): 210–231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>. [In Russian]

- Еремин, А.А., Петрович-Белкин, О.К. Историческая ретроспектива внедрения концепции «Войны с наркотиками» ("War on Drugs") в США // *Вопросы истории*. – 2020. – №12–1. – С. 267–287. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi23>.
- Eremin, A.A., Petrovich-Belkin, O.K. "Historic retrospective of the U.S. "War on Drugs" concept." *Voprosy Istorii* 12–1 (2020): 267–287. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi23>. [In Russian]
- Яковлев, П.П. Политика Д. Трампа в Латинской Америке: итоги и перспективы // *Перспективы. Электронный журнал*. – 2020. – №3(23). – С. 52–65. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2020-3-52-65>.
- Yakovlev, P.P. "Politika D. Trampa v Latinskoi Amerike: itogi i perspektivy." *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal* 3 (2020): 52–65. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2020-3-52-65>. [In Russian]
- Bello, Irlaxis, and Francisco J. Peñas "La teoría de Relaciones Internacionales en y desde el Sur." *Relaciones Internacionales* 22 (2013): 5–7.
- Bernal-Meza, Raúl. "Latin American Concepts and Theories and Their Impacts on Foreign Policies." In *Concepts, Histories and Theories of International Relations for the 21st Century*, edited by J.F.S. Saraiva, 131–177. Brasília: Instituto Brasileiro de Relações Internacionais, 2009.
- Buzan, Barry, and Amitav Acharya. *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia*. London: Routledge, 2010.
- Escudé, Carlos. *Argentina: Paria Internacional?* Buenos Aires: Editorial de Belgrano, 1984.
- Escudé, Carlos. *El realismo de los Estados débiles*. Buenos Aires: GEL, 1995.
- Escudé, Carlos. *Foreign Policy Theory in Menem's Argentina*. Gainesville: University Press of Florida, 1997.
- Escudé, Carlos. *Realismo Periférico*. Buenos Aires: Editorial Planeta, 1992.
- Escudé, Carlos. Realism in the Periphery. In *Routledge Handbook of Latin America in the World*, edited by Jorge I. Domínguez, and Ana Cobarrubias, 45–57. New York: Routledge, 2015.
- Frasson-Quenoz, Florent. "Latin American Thinking in International Relations Reloaded." *OASIS* 23 (2016): 131–177. <http://dx.doi.org/10.18601/16577558.n23.04>.
- Morgenthau, Hans. *Politics among Nations*. New York: Knopf, 1948.
- Nye, Joseph, and Robert Keohane. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. New York: Little, Brown & Co, 1977.
- Organski, A.F.K. *World Politics*. New York: Alfred A. Knopf, 1958.
- Schenoni, Luis, and Carlos Escudé. "Peripheral Realism Revisited." *Revista Brasileira de Política Internacional* 1 (2016). <https://doi.org/10.1590/0034-7329201600102>.
- Tickner, Arlene B., and Mônica Herz. "No place for theory? Security Studies in Latin America." In *Thinking International Relations Differently*, edited by Arlene Tickner, and David L. Blaney, 92–115. London: Routledge, 2012.
- Waltz, Kenneth. *Theory of International Politics*. New York: McGraw Hill, 1979.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>

El realismo periférico de Carlos Escudé

© A.A. Eremin, 2021

Arkadii A. Eremin, PhD (Historiador), Investigador Principal, Profesor Titular de la Cátedra de Teoría e Historia de Relaciones Internacionales, RUDN, Moscú (Rusia)
Para la correspondencia: 117198, Rusia, Moscú, calle Miklukho-Maklaya, 6

E-mail: eremin-aa@rudn.ru

Recibido: 30.05.2021

Revisado: 01.07.2021

Aceptado: 15.07.2021

Para citar: Eremin A.A. El realismo periférico de Carlos Escudé. *Cuadernos Iberoamericanos* 9, no. 1 (2021): 50-61. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>.

→ Resumen

El artículo trata sobre la dirección teórica denominada "Realismo periférico", que ha surgido dentro del marco del neorrealismo en la década de los noventa gracias al reconocido politólogo argentino Carlos Escudé. El autor realiza un análisis complejo de las disposiciones de la teoría original de 1992 y las compara con las realidades modernas de las relaciones internacionales. El autor también realiza un análisis comparativo sobre el desarrollo de la dinámica de la teoría original y su versión reafirmada de 2016. El principal objetivo del estudio es establecer si la teoría del realismo periférico puede atribuirse a las llamadas teorías 'no occidentales' de las relaciones internacionales. En un principio, el artículo se basa en el análisis profundo de la base teórica del realismo periférico de Carlos Escudé, a partir de sus principales escritos de 1992 y 1995, así como el análisis de las variaciones posteriores de la teoría de los años 2012 y 2015. Después, en el análisis comparativo se contrasta las características y posiciones de las 'grandes' teorías canónicas de las relaciones internacionales (especialmente el realismo y el neorrealismo, siendo los orígenes de la misma) relacionándolas con la teoría del realismo periférico, con el fin de destacar su importancia y lugar en la configuración de las teorías occidentales y no occidentales de las relaciones internacionales. El autor llega a la conclusión de la particularidad del concepto que evalúa la realidad desde el punto de vista de los países "más débiles" y en vías de desarrollo, lo que generalmente no es habitual en las teorías anglosajonas. Esta característica única sitúa el concepto del realismo periférico más allá de las percepciones aceptadas por los investigadores dentro de la política mundial. Por otro lado, el estudio fue expuesto y aprobado en el seminario de investigación: "Teorías no occidentales de las relaciones internacionales", en la Cátedra de teoría e historia de relaciones internacionales en la Universidad RUDN, al igual que en el seminario de investigación: "Teorías no occidentales de las relaciones internacionales en el mundo policéntrico", realizado entre las universidades de RUDN y HSE.

→ Palabras clave

Teorías no occidentales de las relaciones internacionales, toma de decisiones políticas, Argentina, países periféricos, realismo periférico

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.